

Феминистская мысль и миметическая теория: идеи и вызовы в творчестве Рене Жирара

МАРТА РЕЙНЕКЕ

Университет Северной Айовы, Сидар-Фолс, США,
martha.reineke@uni.edu.

Ключевые слова: феминистская теория;
политика идентичности; виктимизация; козел отпущения;
глубинная медиация; телесная герменевтика.

Выявляя основные черты феминистской теории последних сорока лет, по-прежнему значимые для нее сегодня, автор утверждает, что миметическая теория Рене Жирара предлагает убедительную критику «политики идентичности» — понятия, которое некоторые феминистские теоретики привлекали для анализа неравенства. Она также позволяет лучше понять феномены эскалирующего соперничества между группами со схожими интересами, которые анализируются на примере недавних столкновений между феминистскими учеными и защитниками прав. В свою очередь, феминист-

ская теория может внести определенный вклад в миметическую. Миметическая теория пренебрегала тем фактом, что центральную роль в человеческой жизни играет чувственный опыт, который может как фиксировать травму и страдания, так и служить средством исцеления и преобразования. Миметическая теория может продвинуться вперед, если исследователи-жирардианцы признают важность чувственного опыта, как она подчеркивалась в феминистской теории, и станут усматривать в нем импульс для перехода от насильственного мимезиса к глубинной медиации.

ОСНОВНЫЕ постулаты теории Рене Жиара можно перечислить по пальцам, но поскольку они описывают фундаментальные особенности человеческой жизни, то могут считаться глубоким откровением. Согласно Жиару, структуру того, как люди взаимодействуют друг с другом в мире, определяет миметическое желание. Желание возникает потому, что каждому человеку присуща «нехватка бытия»¹. Каждый человек смотрит на другого как на образец, который позволит понять, чего нам желать, чтобы эту переживаемую нехватку бытия возместить. По мере того как все мы тянемся к образцу, нами овладевает тоска: «Если бы только я тоже мог заполучить то, что есть у них — дом побольше, имущество пороскошнее, влияние в социальных сетях, образование, ученую степень, престижную работу!»

И все же, пока мы все яснее видим, как хотим взаимодействовать с образцом, наше внимание перенаправляется. Мы ищем уже не вещей и статусов, которые принадлежат образцу и которыми мы хотим обладать; вместо этого наш взгляд сосредоточивается на образце, который якобы способен наделить нас большей полнотой бытия. Когда же мы начинаем желать объекты, желаемые образцом, то из-за предшествующего этому (и более фундаментального) желания *быть* как образец отношения с ним становятся натянутыми. По мере того как мы приобретаем объекты, которыми обладает или только желает обладать образец, и тем самым к нему приближаемся, мы все чаще оказываемся отвергнутыми им, поскольку он тоже человек и совпадает с нами в желаниях. Конфликт между преклонением и отвержением нарастает, и динамика соперничества, в которой различия стираются одним общим желанием, шокирующим образом разрешается в том, что некогда превозносимый образец обращается в чудовищного двойника, отталкивающего с той же силой, с какой привлекал². Конкурирующие желания приводят к кризису, который разрешается жертвоприношением. В борьбе за существование кто-то подвергается

Перевод с английского Марыси Пророковой и Александра Беграмбекова.

1. Жиар Р. Насилие и священное. М.: НЛЮ, 2010. С. 193.

2. Там же. С. 212.

остракизму или погибает³. Глубоко укорененная в обществе динамика соперничества приводит к миметическим кризисам, которые выливаются в широкомасштабное насилие.

В разгар таких кризисов, когда соперники перенаправляют обиду друг с друга на третью сторону, возникают козлы отпущения. Соперники спасаются от потенциальной смертельной угрозы, которую представляют друг для друга, перекладывая ответственность на кого-то третьего — как если бы истинную угрозу представлял именно он. Жирар отмечает, что, когда человек или группа становится для бывших врагов козлом отпущения, последующее гонение определяется «стереотипами»: будучи неизменными во времени и среди различных культурных групп, основополагающие черты гонения напоминают металлические литеры, которые используют при неизменном и фиксированном воспроизведении печатных текстов. Ключевые элементы жертвенного механизма таковы: козлы отпущения появляются в периоды социального кризиса (например, чумы, голода, политических и социальных потрясений)⁴; насилие проявляется на обоих концах социальной лестницы (козлами отпущения становятся либо короли и президенты, либо женщины, дети и меньшинства)⁵; выдвигаются обвинения в сексуальных и религиозных преступлениях (изнасилование, кровосмешение, скотоложество⁶, мисцегенация или ненормативные проявления половых различий и гендерной идентичности).

Альтернатива, которую Жирар противопоставляет мимезису присвоения и поиску козлов отпущения — это позитивный мимезис, «глубинная медиация»⁷. Доступ к этой форме мимезиса люди получают через подражание Христу, который выступает образцом любви без пагубных черт соперничества. Такая «глубинная медиация» — дверь в пространство вне насилия.

Обсуждение этих ключевых особенностей миметической теории Рене Жирара феминистскими теоретиками⁸ породило обширный

3. Он же. Вещи, сокрытые от создания мира. М.: ББИ, 2015. С. 27–35.

4. Он же. Козел отпущения. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. С. 28–29.

5. Там же. С. 32.

6. Там же.

7. Он же. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон. М.: ББИ, 2019. С. 191.

8. Я определяю «феминистскую науку», ссылаясь на двойственность целей феминизма: феминизм — это одновременно «аналитический и политически прескриптивистский проект». См.: Mahmood S. Politics of Piety: The Is-

корпус научных работ. Одними из первых феминистских исследовательниц, писавших об этой теории, были Люс Иригарей, Сара Кофман, Юлия Кристева и Торил Мой. Отметив, что в своем анализе преобладания женских тел среди козлов отпущения и жертв ритуального насилия Жирар проявил сдержанность и не проблематизировал роль половых различий в миметических конфликтах, Кристева и Иригарей решили восполнить эти пробелы в собственных новаторских работах. Исследуя выводы из жираровской теории применительно к случаям гендеризированного насилия, будь то преследование козлов отпущения или жертвоприношение, они внесли существенный вклад в развитие его мысли⁹.

Напротив, для Кофман и Мой миметическая теория не стала плодотворным ресурсом. Кофман критикует Жирара за описание мимезиса, в котором женщины предстают объектами конфликтного мужского желания, но никогда не агентами желания собственного. Утверждая, в противовес Жирару, самодостаточность женщины, как ее изображает Фрейд в своем эссе «О нарциссизме», Кофман осуждает заявления Жирара о ее «притворной» независимости и определение женщины как «кокотки», чье желание стратегически разворачивается между двумя соперничающими за нее мужчинами¹⁰. Со своей стороны, Мой выступила против жираровской трактовки отношений матери и ребенка. Поскольку Жирар утверждает, будто любое желание является миметическим и опосредованным, он не признает неопосредованное желание ребенка к матери, возникающее до приобретения им языка. Мой утверждает, что Жирар недооценивает значимость доэдиповой стадии. Более того, в портрете миметического соперничества Жирара отсутствуют мать и ее собственные желания¹¹.

Следуя примеру Иригарей и Кристевой, писавших об этом в 1980-е годы, в последующие десятилетия ряд феминистских теоретиков обнаружили у Жирара конструктивные возможности для феминистских исследований. В Европе и США позитивные связи с миметической теорией устанавливались учеными-феминистка-

Islamic Revival and the Feminist Subject. Princeton: Princeton University Press, 2005.

9. Автор рассматривает идеи Мой, Иригарей и Кристевой в свете теории Жирара в: *Reineke M. Sacrificed Lives: Kristeva on Women and Violence*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1997.

10. *Kofman S. The Narcissistic Woman: Freud and Girard // Diacritics*. 1980. Vol. 10. № 3. P. 41.

11. *Moi T. The Missing Mother: The Oedipal Rivalries of René Girard // Diacritics*. 1982. Vol. 12. № 2. P. 27.

ми из самых разных областей, включая литературоведение, религиоведение и социальные науки¹². Как феминистские теоретики могут взаимодействовать с Жираром сегодня — спустя сорок лет после того, как феминистская мысль впервые пересеклась с миметической теорией впервые? В статье я обсуждаю два сделанных Жираром *вывода*, способных продуктивно повлиять на феминистскую мысль. Жирар решающим образом вмешивается в проблему «политики идентичности» — эту концепцию некоторые феминистские теоретики использовали для анализа неравенства. Миметическая теория проливает свет также на эскалацию соперничества между группами со схожими интересами, примером чего является недавнее соперничество феминистских ученых с защитниками прав. Помимо этого, я выделяю один *вызов*, который бросает миметической теории феминистская: в ущерб себе миметическая теория пренебрегла одним важным аспектом человеческого опыта, на котором, напротив, делает акцент феминистская мысль, по свидетельству Юлии Кристевой. Так, она пишет:

Я убеждена, что после всех более или менее разумных и перспективных проектов и лозунгов, провозглашенных феминистским движением за последние десятилетия, выход женщин на передний план социальной и этической сцены привел к переоценке чувственного опыта¹³.

Чувственный опыт — это одна из составляющих травмы; но это также и средство исцеления и преобразования. Если исследователи-жирардианцы обнаружат в чувственном опыте средство для перехода от насильственного мимезиса к «глубинной медиации», это ознаменует как прогресс в миметической теории в целом, так и возвращение к перспективе относительно этого опыта, представленной в ранних трудах Жирара.

Политика идентичности и виктимизация: критические выводы из миметической теории

Что такое «политика идентичности», как миметическая теория освещает ее проблемные черты и какие способы их разрешения

12. Наиболее значимые «встречи» феминистских теоретиков с Жираром я обсуждала в: Reineke M. *Intimate Domain: Desire, Trauma, and Mimetic Theory*. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2014. N. 38.

13. Kristeva J. *Intimate Revolt: The Powers and Limits of Psychoanalysis* / J. Herman (trans.). N.Y.: Columbia University Press, 2002. P. 5.

может предложить? Ответы на эти вопросы нам даст углубленный анализ теории козла отпущения у Жирара в совокупности с примерами ее применения в поле феминистской мысли.

В феминистской теории концепция политики идентичности отсылает к идее, что дискриминация и угнетение направлены на людей и группы на основании индивидуальной или коллективной идентичности. Этим идентичностям обычно присваиваются определяющие характеристики, относящиеся к полу, расе и/или классу. Такое присвоение расовой и половой идентичности черным женщинам очевидно, к примеру, в заявлении «Коллектива реки Комбахи», где описывается, как черные женщины обнаруживают маркеры идентичности и отказываются от них:

Уже с детства мы знаем, что мы отличаемся от мальчиков и к нам другое отношение. Например, нас учили быть тихими, чтобы соответствовать образу «девочки» и не вызывать неприятия в глазах белых людей. <...>

Тот факт, что расовые политики и расизм являются доминирующими факторами в нашей жизни, не позволил нам и до сих пор не позволяет большинству Черных женщин обращать больше внимания на свой собственный опыт и, исходя из этого, выстраивать политику, которая изменит нашу жизнь и прекратит наше угнетение¹⁴.

Подобные заявления, оспаривающие маркеры идентичности, навязанные меньшинству большинством, реально побуждают людей действовать. Например, такие группы, как Национальная организация женщин, *Women for Women International* и «Равенство сейчас», успешно апеллируют к «женщинам» как к особой категории людей, которые испытали дискриминацию в силу того, что они «женщины», и могут объединиться как «женщины», чтобы требовать равенства.

Тем не менее некоторые феминистские теоретики систематически утверждают, что понятие «идентичность» в составе «политики идентичности» опирается на сомнительные предположения, поскольку существование чего-то, что называется «женским опытом», противоречит тому, что женщины бывают очень разными. Феминистские теоретики пытаются решить эту проблему, обращаясь к идее интерсекциональности, согласно которой идентичность формируется на пересечении различных осей — расы, клас-

14. Цит. по: Манифест Черного феминизма // Критика феміністична. 2022. № 5. С. 60–61.

са, религиозной и этнической принадлежности и т.д. Разнообразные форматы угнетения можно опротестовывать именно что на их стыке¹⁵.

Однако проблем политики идентичности данная концепция не решает. Дело в том, что само понятие «идентичность» ошибочно предполагает субъекта, которая даже в отрыве от опыта, против которого протестует — неравноправной оплаты труда, ограниченного доступа к социальным благам, домашнего насилия, — обладает некой неугнетенной идентичностью, и с этой позиции в мире ведет протест. По мнению феминистских мыслительниц наподобие Джудит Батлер, даже если женщина и свидетельствует о разнообразных и взаимосвязанных частностях своей жизненной истории, утверждение, будто она существует как субъект, который говорит правду именно как «женщина», спорно. Батлер утверждает, что, несмотря на повышенную чувствительность женщин к множеству отличительных характеристик — расе, классу, социальному положению, — политическое действие, основанное на апелляциях к идентичности, терпит крах. Феминистские мыслительницы ошибаются, полагая, что некая «женщина» предшествует социальной несправедливости, даже если эта женщина и находится на стыке множества осей идентичности¹⁶.

Заявления об идентичности всегда «организуются вокруг некоего конститутивного исключения». Как поясняет Крессида Хейс в своем эссе «Политика идентичности», апелляции к «женщинам» ошибочно трактуют как подлинное для индивида или группы некоторое самопонимание, которое в действительности возникает и определяется в качестве оппозиции к господствующей идентичности — а она, как правило, представляется как нейтральная¹⁷. Как подчеркивает Хейс, когда аспекты идентичности заявляются в качестве маркеров свободной агентности, то их происхождение, выкованное в условиях подчиненности, наделяется некой проблематичной ценностью. Апелляции к идентичности продолжают усиливать те претензии на идентичность, что были заявлены еще раньше этой попытки возвращения себе агентности.

Поскольку «политика идентичности» все больше подпадает под подозрение, Жирар предлагает убедительную альтернативу.

15. Heyes C. Identity Politics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta (ed.). Fall 2020 edition. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/identity-politics>.

16. Батлер Дж. Гендерное беспокойство. Феминизм и подрыв идентичности / Пер. с англ. К. Саркисова. М.: V-A-C press, 2022. С. 48.

17. Heyes C. Op. cit.

Поскольку миметическая теория согласна с утверждениями феминистских мыслительниц вроде Батлер, что человеческая субъектность формируется из признания со стороны других, она способна дополнить их точку зрения. Для описания человеческого субъекта как лишь относительной сущности Жирар и Жан-Мишель Угурлян (один из его собеседников в книге «Вещи, сокрытые от создания мира») вводят термин «интердивидуальный». «Индивидов», способных ориентироваться в мире как монадоподобные субъекты, не существует. Вместо этого, поскольку людей делает теми, кто они есть, миметическое желание, мы существуем лишь в свете наших образцов. Люди — создания, испытывающие нехватку бытия, — существуют лишь благодаря своей устремленности к бытию. Это желание всегда выражается в отношениях. Мы «желаем *по* желанию Другого», ища в желании этого Другого возмещение за собственную нехватку бытия¹⁸. Как и те феминистские теоретики, кто ставит выше идентичности отношение, Жирар переориентирует вопрошание о предубеждениях и угнетении, ставя выше идентичности интердивидуальность. Бесчеловечное обращение с другими выходит на первый план не когда кто-то бросает вызов *маркерам идентичности* другого человека (полу, расе, классу), а скорее вступает в игру внутри *реляционной конструкции*. Когда кто-то отказывает другому в признании, то это также и отказ в доступе к бытию.

Комментарии Жирара в работе «Козел отпущения», где он рассматривает угнетение в контексте фундаментальной реляционности человеческого бытия, подкрепляют феминистскую критику идентичности. Жирар пишет, что «гонители одержимы ненавистью не к различию, а к его невыразимой противоположности, к обезразличенности»¹⁹. Это утверждение Жирара опровергает предположения, которыми руководствуется политика идентичности. С этой точки зрения различие провоцирует угнетение, разжигая антисемитские нападки (евреи — не христиане), ненависть по расовым мотивам (афроамериканцы и другие этнические группы — не белые), сексуальное насилие (женщины — не мужчины) и криминализацию гендерных идентичностей (ЛГБТК-люди²⁰ — не «натуралы»/цисгендеры). Заявляя, что предубеждение возрастает скорее при отсутствии различий, чем при наличии, Жирар обнажает проблемы политики идентичности еще сильнее.

18. Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира. С. 374.

19. Он же. Козел отпущения. С. 44.

20. Движение признано экстремистским и запрещено на территории РФ.

В «Козле отпущения» Жирар выступает против того, что различие является движущей силой гонений, на примере человека с физическими недостатками. Жирар полагает, что инвалидность беспокоит других не потому, что отличается, а из-за того, что «создает впечатление подрывающей системную стабильность динамики»²¹. Жизнь продолжается вопреки притязаниям людей без инвалидности на обладание эксклюзивной истиной об их жизнях. Экстраполируя пример Жирара, мы можем взглянуть на гендерные, расовые или классовые предубеждения по-новому. Что, если они питаются не различием, а угрожающим сходством? Проследовав за этой линией рассуждения вслед за Жираром, мы обнаружим, что гонения происходят тогда, когда совершающие их обнаруживают, что система, представлявшая себя в качестве арбитра различий, впадает в риск

...отличиться от своего собственного отличия, иначе говоря — вообще прекратить различаться, прекратить существование в качестве системы²².

Человеческая жизнь — относительная, хрупкая и смертная — утрачивает точку опоры, различие не удерживается. Других, ранее помеченных как «отличающиеся», упрекают, что они отличаются не так сильно, как ожидалось, или даже вовсе не отличаются. Гонения предпринимаются для того, чтобы заново вписать различие в тела не-различных и посредством этого спасти бытие гонимых от угрозы.

Для феминистских теоретиков, которые стремятся ослабить не только гендерные предубеждения, но и другие формы неравенства, прозрения Жирара предлагают новую перспективу. Вместо того чтобы делать акцент на различиях, в напряженных отношениях им следует обращать внимание на сходства, особенно потому, что опаснейшие формы гонений часто связаны со сходствами, близкими к тому, чтобы «вообще прекратить различаться». Некоторые примеры подчеркивают, насколько угрожающим может казаться сходство. Одним из наиболее устойчивых проявлений насилия против вроде бы «другой» группы на протяжении истории был антисемитизм. И все же он возник в христианстве — религии, которая из всех мировых религий наиболее близка к иудаизму²³.

21. Там же.

22. Там же. С. 42.

23. Sloyan G. S. Christian Persecution of Jews Over the Centuries // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/research/>

Разделяя с христианством библейскую историю, Священное Писание и множество вероучительных положений, иудаизм является старшим братом в семье монотеистических верований, в которую также входит ислам.

Насилие со стороны интимного партнера — особенно убедительный пример, подтверждающий анализ Жираром конфликта как побочного продукта угрожающего сходства, а не различия. Наиболее близкие отношения зачастую связывают нас с супругами или домочадцами. К сожалению, именно эта близость, а не различие и дистанция, может способствовать насилию. По данным ООН, ежегодно в мире от рук интимных партнеров погибают 45 тыс. женщин²⁴. Ученые называют провоцирующие факторы: определенные возраст и образование, безработица, злоупотребление алкоголем, отсутствие самоконтроля и т.д.²⁵ В дополнение к этим объяснениям миметический анализ показывает, что муж может напасть на жену во время эскалации насильственных эпизодов из-за собственного чувства неполноценности или нехватки бытия. Абьюз происходит, когда мужчина, ищущий в своей партнерше ускользающую от него целостность, начинает видеть в ней не спасительницу, какой он когда-то ее представлял, а соперническую угрозу. Статистика по США показывает, что, когда женщина выходит из отношений, омраченных насилием со стороны партнера, то вместо исчезновения угрозы ее уход увеличивает вероятность ее убийства более чем на 70%²⁶. Стоящее за этим повышенным риском явление исследователи описывают как «чрезмерную вовлеченность»: виновник не замечает между собой и партнершей границ, маркирующих ее как отличающуюся от него²⁷. Отсутствие рядом партнерши он воспринимает

about-the-mandel-center/initiatives/ethics-religion-holocaust/articles-and-resources/christian-persecution-of-jews-over-the-centuries/christian-persecution-of-jews-over-the-centuries.

24. Press Release: Women and Girls Are More at Risk to Be Killed at Home, New UNODC and UN Women Report on Femicide Shows // UN Women. 23.11.2022. URL: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/press-release/2022/11/press-release-women-and-girls-are-more-at-risk-to-be-killed-at-home-new-unodc-and-un-women-report-on-femicide-shows>.
25. Risk and Protective Factors / Intimate Partner Violence / Violence Prevention / Injury Center / CDC // Centers for Disease Control and Prevention. URL: <https://www.cdc.gov/violenceprevention/intimatepartnerviolence/riskprotectivefactors.html>.
26. Mouradian V. E. Prevalence and Incidence Estimates for Intimate Partner Violence // National Violence Against Women Prevention Research Center. URL: <https://mainweb-v.musc.edu/vawprevention/research/ipvestimates.shtml>.
27. Auchter B. Men Who Murder Their Families: What the Research Tells Us // National Institute of Justice Journal. 2010. № 266. P. 11.

ет не как признак слабости, а как возрастающую силу, которая все больше приближается к его собственной маскулинной состоятельности. Чем более явно он воспринимает ее как похожую на себя, тем больше его тянет отреагировать способами, которые кажутся ему соразмерными, — даже если это чревато летальным исходом. Говоря жираровским языком: когда в отношениях женщина демонстрирует силу и свободу действий сродни тем, что демонстрировал ее партнер в контроле над ней, она тем скорее становится «чудовищным двойником». В ожесточенной борьбе между двумя существами, испытывающими нехватку бытия, смерть одного считается необходимой для защиты другого от надвигающейся утраты бытия²⁸.

Виктимизация и социальная справедливость

В прошлые десятилетия феминистские теоретики сочли работы Жирара актуальными для переосмысления политики идентичности; значение для феминистской теории еще одного жираровского открытия стало, однако, очевидным лишь недавно. Анализируя динамику конфликта, Жирар отмечает, что поиск козла отпущения помогает в разрешении конфликта — хотя бы временно — только когда гонители верят, что их жертва виновна. В древности приносимая жертва была и *фармакос*, и *фармакон* — ядом и противоядием, источником скверны и очистительной силой²⁹. В момент смерти козла отпущения происходит мощный всплеск священного. Однако в ходе истории этот жертвенный механизм был разоблачен. В пророческой литературе Танаха, христианского Нового Завета и индуистских Вед возникла и с течением веков закрепились новая идея³⁰. Если когда-то обвинители считали козла отпущения действительно виновным в преступлениях, которые ему приписывали, то позднее люди начали убеждаться, что жертва невинна. Сегодня «козлом отпущения» повсеместно называют «невинного, обвиненного несправедливо». Тем не менее за разоблачение жертвенного механизма, по словам Жирара, приходится платить: в прежние времена за изгнанием или казнью козла отпущения следовал период деэскалации и гармонии; сегодня гонение лишено целительного эффекта, а поиск козла отпущения может стать перманентным³¹.

28. Паттерны, наблюдаемые в отношениях насилия в паре, также наблюдаются и в насилии, направленном против групп женщин. См.: Reineke M. Sacrificed Lives. P. 128–160.

29. Жирар Р. Насилие и священное. С. 126–131.

30. Girard R. Sacrifice. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2011.

31. Жирар Р. Козел отпущения. С. 74–75, 88–89.

Два недавних примера соперничества между феминистскими учеными и защитниками прав свидетельствуют о деструктивном характере эскалации конфликта и поддаются в этом качестве миметическому анализу. В 2017 году флагманский журнал американской феминистской философии *Hypatia* оказался втянут в скандал после публикации статьи философа Ребекки Тувель «В защиту трансрасовости»³². Тувель выдвинула такой сравнительный аргумент: если трансгендеров поддерживают в их усилиях по смене пола, то и трансрасовых людей следует поддерживать в их стремлении к смене расы. Тувель не утверждала, что трансрасовая и трансгендерная идентичности на самом деле сопоставимы, и не предлагала рекомендаций в плане общественных изменений. Она сосредоточилась на одном вопросе: могут ли аргументы, приводимые в поддержку трансгендерности, использоваться и для поддержки трансрасовости? Будучи философом, Тувель делала то, что делают философы: путем сравнения оценивала силу и слабость избранных аргументов. Реакция на ее выводы была противоречивой. В течение нескольких дней после публикации почти тысяча ученых из американских университетов подписали открытое письмо в редакцию *Hypatia*, где осуждали статью и просили редакторов журнала ее отозвать³³. Подписанты письма подчеркивали, что Тувель, будучи белой цисгендерной женщиной, говорила от имени тех, с кем не разделяла ни расовой, ни гендерной идентичности. Ее осудили за использование терминологии, которую не применяют к себе трансгендерные персоны. Самой же вопиющей ошибкой Тувель, по мнению ее критиков, было то, что она написала статью вне прямого взаимодействия с цветными женщинами и трансгендерами. Критики Тувель утверждали, что право говорить о транс- и расовой идентичности им дает их жизненный опыт, и поскольку Тувель этого опыта лишена, то в статье она должна была обратиться к их экспертной точке зрения.

Ответственные редакторы *Hypatia* принесли извинения за публикацию статьи Тувель³⁴. Скандал обострился. Главный редактор и совет директоров, поддержавшие Тувель, подали в отставку. После того как правление приостановило действие управляющих

32. Tuvel R. In Defense of Transracialism // *Hypatia*. 2017. Vol. 32. № 2. P. 263–278.

33. Vigo J., Garano L. An Open Letter on the Hypatia Controversy // *Feminist Current*. 25.05.2017. URL: <https://www.feministcurrent.com/2017/05/25/open-letter-hypatia-controversy>.

34. Flaherty C. “Hypatia” Disavows the “Hypatia” Disavowal // *Inside Higher Ed*. 18.05.2017. URL: <https://www.insidehighered.com/news/2017/05/19/journals-board-directors-offers-its-support-editors-decision-publish-article>.

структур организации, это же сделали и ответственные редакторы. Деятельность *Hypatia* прекратилась. Журнал «возродился» почти два года спустя — с новой редакционной коллегией и под эгидой другого издательства.

Другой пример эскалации конфликта на фоне поиска козлов отпущения — международное интернет-сообщество вязальщиц, три четверти из которых в опросах обозначают себя как женщины. Вязание — это огромный глобальный бизнес, где ежегодный оборот составляет 3 млрд долларов. *Ravelry*, группа вязальщиц в фейсбуке³⁵, насчитывает 9 млн участников. Вязальщицы-инфлюенсеры в инстаграме³⁶ (от 35 тыс. до 160 тыс. подписчиков у первой десятки блогеров) хорошо зарабатывают, рекламируя и продавая товары для вязания³⁷. Когда Карен Темплер, вязальщица-инфлюенсер из Кентукки, написала в 2019 году в своем блоге, что с нетерпением ждет поездки в Индию — которая, по ее признанию, кажется ей таким же далеким местом, «как Марс», это вызвало настоящую бурю³⁸. В комментариях к этому посту ее обвиняли в колониализме и империализме. Она извинилась, пообещав узнать больше о жизни цветных женщин, но критиков ее извинения не удовлетворили. Вязальщицы требовали от других вязальщиц высказаться за или против Темплер. София Кай, цветная женщина и вязальщица-инфлюенсер из Австралии, завела «черный список», куда заносила инфлюенсеров и владельцев связанного с вязанием бизнеса, которые в ответ на вопросы о случае Темплер якобы высказали некие взгляды, враждебные по отношению к цветным женщинам³⁹. В последовавшие месяцы вязальщицы-инфлюенсеры, «уличенные» во враждебности к цветным женщинам, одна за другой удаляли страницы в инстаграме и закрывали бизнес.

35. Принадлежит корпорации *Meta*, которая внесена в перечень организаций, причастных к терроризму и экстремизму, и запрещена на территории РФ.

36. Принадлежит корпорации *Meta*, которая внесена в перечень организаций, причастных к терроризму и экстремизму, и запрещена на территории РФ.

37. См.: 15 Surprising & Interesting Knitting Statistics 2023 // The Creatives Hour. 07.03.2023. URL: <https://thecreativeshour.com/knitting-statistics>; Smith C. Interesting Ravelry Statistics and Facts (2019) // By the Numbers // DMR. 08.08.2019; Top 100 Knitting Influencers in 2023 // Feedspot. 15.11.2023. URL: https://blog.feedspot.com/knitting_instagram_influencers.

38. Templer K. 2019: My Year of Color // KT's Slow Closet. 07.01.2019. URL: <https://ktslowcloset.com/2019/01/07/2019-my-year-of-color>.

39. Moore K. J. Instagram's Diversity Wars Revisited // Quillette. 07.06.2019. URL: <https://quillette.com/2019/06/07/instagrams-diversity-wars-revisited>.

Скандалы с Тувель и Темплер подтверждают всю продуктивность жираровского анализа жертвенных кризисов и поисков козла отпущения. В случае с Тувель разрешение конфликта напомнило древние жертвоприношения: *Hypatia* прекратила выходить, имитируя жертвенную «смерть». Очистившись от опасной скверны, которой его заразила статья Тувель, вскоре журнал «воскрес» с новыми коллегией, редакторами и издателями. Случай Темплер отражает работу механизма козла отпущения в его более современном варианте. Темплер не стала *фармаком*: у нее не было той спасительной силы, что у козлов отпущения в прошлом. Когда ее извинения не вернули в вязальное сообщество гармонию, начался поиск новых козлов отпущения, однако и те не обладали способностью нейтрализовать угрозу. Мировое вязальное сообщество оставалось в кризисе. Конфликт обострился и за год охватил десятки инфлюенсеров и бизнесов. Поиск козлов отпущения приутих, лишь когда конфликт достиг «нижних уровней» глобальной цифровой сети вязания, где влиятельных инфлюенсеров и компаний, которым можно было бы бросить вызов, уже не осталось.

Последствия этих кризисов были огромны. История с журналом *Hypatia* едва не пустила под откос карьеру Тувель, которая только начинала свой путь в качестве университетского профессора. Самый известный журнал по феминистской философии едва не закрылся. Десятки инфлюенсеров и владельцев магазинов, для которых вязание было основным источником дохода, лишились средств к существованию. Сила, стоящая за волной разрушения, вызванной случаями Тувель и Темплер, предстает взору, если проанализировать характерные для этих конфликтов требования извиниться: никакие извинения никогда не удовлетворяли тех, кому они были предложены. Темплер неоднократно и избыточно просила прощения за свои комментарии и подчеркивала, что хочет «перевоспитаться». Свои извинения принес и журнал *Hypatia*. Все эти извинения не просто никого не удовлетворили: хотя они приносились на ранних стадиях кризисов, те стремительно набирали обороты. Особенно хорошо это видно в случае с Темплер — образцом современного козла отпущения. Из-за всех этих извинений среди вязальщиц возникла паника: к ответу призывалось все большее количество инфлюенсеров, но ни один из них не смог принести извинения, которые были бы сочтены приемлемыми. «Ответчики» оказались исключены из вязального сообщества, которое для многих было основным источником идентичности и дохода, а их обвинители переходили к следующей жертве.

Динамику таких нарастающих конфликтов Жирар описывает в терминах «виктимологии» — формы миметизированного конфликта, который обостряется, когда традиционный механизм козла отпущения больше не работает⁴⁰. Миметическая теория Жирара обнажает те силы, которые действовали, когда в случаях Тувель и Темплер обвинители отказывали обвиняемым в прощении, а их искренние выражения сожаления или раскаяния отменялись. Согласно этой теории, люди всегда желают *по* желанию Другого, обладающего тем бытием, которого мы лишены. Жирар отмечает:

В том, что мы сегодня называем «правами человека», самым существенным является понимание того факта, что любой индивидуум и любая группа индивидуумов могут стать «козлами отпущения» для своего окружения⁴¹.

От «миметических вспышек» не застрахован никто. Когда между феминистскими учеными и защитниками прав возникает миметическое соперничество в контексте виктимологии, статус жертвы дает возможность компенсировать нехватку бытия. Чем интенсивнее виктимизация, тем больше одержимость бытием. Абсолютная полнота бытия в этом контексте определяется как моральное бытие: высшее суждение остается за его обладателями. Тем не менее, как сообщает Жирар, люди никогда не находят удовлетворения в стремлении возместить свою нехватку бытия. Как следствие, в соревновании среди жертв неизменно бросается вызов тому, кто занял позицию морального превосходства позже других. Конечно, индивид или группа надеются отделить подлинных жертв от самозванцев, разоблачить носителей скверны, обезопасить чистых от осквернения и ставить других перед выбором — поддержать настоящих жертв или подвергнуться остракизму, — но все тщетно.

Как показывают кейсы Тувель и Темплер, социальные кризисы усугубляются путаницей в эпистемологических и онтологических дискурсах: были ли действия, вызвавшие кризис, следствием ошибок *знания* или различий в *бытии*? Что касается Тувель, она намеревалась развивать феминистскую философию в *эпистемологическом* контексте. Она задалась вопросом: «Что могут *знать* феминистские философы об эмансипированной расовой и гендерной идентичности?» Критики Тувель, однако, перевели этот вопрос в *онтологическую* плоскость. Трансгендерные люди, по их словам, стремятся

40. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: ББИ, 2015. С. 187, 190.

41. Там же. С. 176.

к тому, чтобы их авторитет основывался на проживаемой сущности, *форме бытия*, которой у Тувель нет. Темплер, с другой стороны, полагала, что вспыхнувшее вокруг нее пламя недовольства может быть погашено, если она заявит о готовности к эпистемологической трансформации: она обещала больше узнать о колониализме, империализме и превосходстве белых людей. Но ее критиков это решение не устроило. Угроза, которую якобы представляла для них она и прочие белые вязальщицы-инфлюенсеры, была *онтологической*: комментарии Темплер (и тех, кто вроде бы ее защищал) проникали в сокровенные глубины их бытия — поэтому они и реагировали так, будто на карту поставлена сама их жизнь. Когда феминистские теоретики и защитники прав рассматривают проблемы предубеждений и дискриминации как эпистемологические, кризисы, подобные спровоцированным Тувель и Темплер, могут быть разрешены куда проще. Для создания новых путей к обретению знаний, которые могут способствовать индивидуальной и групповой трансформации и коммуникации, существуют обширные ресурсы. Напротив, когда феминистские теоретики и защитники прав сталкиваются с онтологическим кризисом, ведущим к поиску козлов отпущения, ресурсов для поиска важных идей и решений остается мало. В этих случаях миметическая теория — ресурс жизненно важный и даже уникальный.

Теория Жирара объясняет и то, почему скандалы вокруг Тувель и Темплер вышли из-под контроля. Поскольку осознанная виктимизация отождествлялась с *угрозой, переживаемой на онтологическом уровне*, возникло соперничество: кто по своей глубинной сути был вправе говорить об обстоятельствах своей жизни и признать извинения удовлетворительными? Кто хранил в недрах своего бытия способность узнать подлинную жертву? Чьи глаза могли безошибочно определить ужаснейшего из гонителей? Конфликт зашел в тупик, потому что никто не мог удержать этого морального превосходства. Нехватка бытия составляет основу человеческой жизни, и эта нехватка всегда будет подрывать притязания любого, кто претендует на полноту бытия — неважно, понимать ли ее как нравственную мудрость, материальные активы или социальный престиж. В частности, в случае с Темплер на каждом шагу появлялось новое гонимое меньшинство, готовое заявлять, что моральный авторитет тех, кто его составляет, полностью подкрепляется самым их существом⁴².

42. Майкл Койл указывает на объединение онтологических и эпистемологических проблем: осознание себя в качестве жертвы не дает морального

Неспособность конкурирующих онтологических претензий к компромиссу очевиднее всего проявилась в мрачайшем эпизоде скандала с вязальщицами. Спустя шесть месяцев после начала кризиса инфлюенсер Натан Тейлор запостил остроумное стихотворение, призывающее вязальщиц по-дружески обнять-ся и покончить с нападками, разрушающими их сообщество⁴³. Тысячи комментариев, наводнивших его аккаунты в социальных сетях, были настолько злобными, что он пережил нервный срыв и лег в больницу. Когда распространились новости, что Тейлор думает о самоубийстве, нападки усилились и стали еще более дикими. В борьбе за моральное превосходство сочувственные и сострадательные голоса перебивались другими, обвинявшими Тейлора в том, что его «нервный срыв» — это лишь предлог, чтобы избежать ответственности. Критики, безразличные к его страданиям, шельмовали его как «белого неженку» и писали, что те не стоят и выеденного яйца по сравнению с тем, как он притесняет черных. Если бы не вмешательство его партнера, он мог бы покончить с собой⁴⁴. Тейлор стал бы жертвенным приношением — по мнению его обвинителей, необходимым, чтобы обезопасить их от угрозы, которую он якобы представлял для их существования.

Что феминистские теоретики и защитники прав могут сделать, попав в онтологическое inferno? Жираровское понятие «глубинной медиации» предлагает выход из виктимологии, которая ослабляет феминистскую теорию и мешает инициативам социальной справедливости достигать целей⁴⁵. Ричард Бек развивает эту идею, советуя воспринимать человеческую уязвимость и нужду не как опасную нехватку бытия, а как позитивное выражение относительности — или, как сказал бы Жирар, интердивидуальности. Бек описывает уязвимость в терминах «радушия» или «милосердия», которые позволяют нам отбросить ложные

превосходства автоматически. Благодаря осознанию себя жертвой человек не обязательно становится мудрее, справедливее и не начинает лучше различать моральную истину. См.: Boyle M. The Cult of Victimhood // A Sound of Sheer Silence. 02.05.2016. URL: <http://soundofsheersilence.blogspot.com/2016/04/the-cult-of-victimhood.html>.

43. The Truth: This Is MY Side of the Story — by Sockmatician // YouTube. 29.09.2019. URL: <https://youtu.be/HJ1ilP31d8o>. См. также: Moore K. J. Knitting's Infinity War, Part III: Showdown at Yarningham // Quillette. 28.07.2019. URL: <https://quillette.com/2019/07/28/knittings-infinity-war-part-iii-showdown-at-yarningham>.

44. Hardman I. Cast Off: How Knitters Turned Nasty // The Spectator. 28.09.2019. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/cast-off-how-knitters-turned-nasty>.

45. Жирар Р. Завершить Клаузевица. С. 238.

притязания на целостность и самодостаточность. Освободившись через принятие физических, психологических и материальных недостатков и слабостей, мы сможем проявлять радушие по отношению к себе подобным⁴⁶. Прилагая эти прозрения к мысли Жирара, мы видим, что динамика необходимой уязвимости отличается от конфликтного миметического желания. Динамика виктимологии выталкивает предполагаемых осквернителей за пределы сообщества и возводит все более высокие стены, чтобы защитить его от заразы. Напротив, когда в интердивидуальных отношениях признается и «зеркалится» людская уязвимость, открывается путь для установления связей с другими. Мы можем, как говорит Лоретта Росс, профессор Колледжа Смита, «зазывать», а не «созывать» людей⁴⁷. Эти связи ослабляют разделяющие нас границы, однако вместо того, чтобы погружаться в тревогу, мы обнаружим, что наши страхи рассеялись. Мы можем двигаться вперед, принимая, что в своей незавершенности и нехватке бытия мы не представляем угрозы друг для друга, и что напротив, эти уязвимые места дают нам возможность узнать в наших ближних самих себя.

* * *

Итак, Жирар вносит свой вклад в развитие феминистской теории в двух существенных моментах. Его концепция интердивидуальности помогает феминистским теоретикам выйти за рамки политики идентичности, сводящей на нет их усилия по анализу и преодолению предубеждений и дискриминации. Внимание Жирара к тому, как насилие проявляется перед лицом угрожающего сходства, а не различия, поддерживает феминистские исследования неравенства, которое приводит к конфликтам. Миметическая теория также объясняет не полностью объясненные другими исследованиями аспекты насилия со стороны интимного партнера, показывая, как и почему женщины чаще мужчин становятся жертвами гендеризированного насилия с позиции отношений, а не идентичности. Наконец, она освещает соперничество относительно статуса жертвы между феминистскими теоретиками и защитниками прав, предлагая из него выход.

46. Beck R. Unclean: Meditations on Purity, Hospitality, and Mortality. Eugene, OR: Wipf & Stock Publishers, 2011. P. 179.

47. Bennett J. What if Instead of Calling People Out, We Called Them In? // The New York Times. 19.11.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/19/style/loretta-ross-smith-college-cancel-culture.html>.

Миметическая теория: вызов чувственного опыта

Чувственный опыт — сердце ранних работ Жирара. В книге «Ложь романтизма и правда романа» Жирар пишет, что эмоциональная память и чувственный опыт — «источник истинного и священного»; «Память приносит Марселю Прусту спасение и как писателю, и как человеку»⁴⁸. Тем не менее, даже прорываясь к миметической теории вместе с Прустом, Жирар порывает с «Мерло-Понти и всеми связанными с феноменологией авторами», чьи философские размышления о чувственном опыте он, по его словам, находил «захватывающими» в бытность молодым ученым⁴⁹. В книгах «Насилие и священное», «Вещи, сокрытые», а также в его более поздних работах чувственный опыт и связанная с ним терминология не фигурируют вообще. Далее я объясню, что, если мы хотим использовать миметическую теорию не только для понимания мимезиса присвоения, который регулярно переходит в насилие, но и для развития позитивных форм интердивидуальности, это внимание к чувственному опыту нужно возобновить⁵⁰. Ключевые ресурсы для этого предоставляют феминистские исследования.

Решающую роль в достижении этой цели могут сыграть взгляды Жирара на литературу, поскольку они создают мост между миметической и феминистской теориями. Жирар утверждает, что литература, отражающая и раскрывающая человеческий опыт в мире, способна этот опыт преобразовать. Литература не только раскрывает, каким образом миметическое желание приводит к интердивидуальному конфликту, но также и дает пути к исцелению травмы, открывая людей новому опыту. Как мы увидим, феминистский теоретик Юлия Кристева согласна с Жираром относительно роли литературы в исцелении и преображении. Также сосредотачиваясь на чувственном опыте, Кристева показывает, как миметическая теория помогает переосмыслить его, открывая возможности для отношений, в настоящее время омраченных конфликтом.

В «Лжи романтизма и правде романа» Жирар описывает характерные черты писателей, творящих великую литературу. Они не скрывают и не маскируют истину человеческого опыта, пичкая читателя «романтическими» иллюзиями. Напротив, их произведения — «романические», ибо они раскрывают и проясняют

48. Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа. М.: НЛО, 2019. С. 112–113.

49. Girard R. et al. Evolution and Conversion: Dialogues on the Origins of Culture. L.: Continuum, 2008. P. 25.

50. Жирар Р. Завершить Клаузевица. С. 238.

обстоятельства человеческой жизни⁵¹. Великая литература воспроизводит миметические превратности «в миниатюре», проливая разоблачительный свет на то, что мы изо всех сил пытаемся понять в нашем большом мире. Романы властны не только обнажать стязательную природу миметического желания, но и указывать путь к иному модусу бытия, в котором «заблуждение уступает место истине, тревога — воспоминанию, возбуждение — отдыху, ненависть — любви»⁵². Преображающая истина возникает, когда романист «победил желание и сравнивает, вспоминая его»⁵³. Читая великие романы, мы знакомимся с преобразующим опытом романиста. Романисты становятся образцами, чьи повествования приглашают к подражанию: «Читать — значит снова проживать тот духовный опыт, который облекся в форму романа»⁵⁴.

Кристева соглашается с Жиаром, что литература является источником этой преобразующей силы. Рассказывание историй — это определяющая деятельность человека, поскольку только люди осознают, что о жизнях можно рассказывать. Развивая идеи Арендт, Кристева превращает рассказывание историй в реляционную деятельность. Повествование опирается на два фактора: мы существуем среди других (*inter-esse*) и посредством этих других можем формировать воспоминания и свидетельствовать⁵⁵. Необходимость других для осмысленности повествования — условие не только творческого выражения, но и всей человеческой жизни. В совокупности же рассказываемые и обнажаемые черты нашей жизни делают возможным преображение. Как весьма красноречиво заявляет философ Адриана Кавареро (также комментируя Арендт):

Лишь в невообразимом случае жизни, проведенной в совершенном уединении, автобиография человека могла бы поведать абсурдную историю непроницаемо чистой идентичности вне отношений и мира. Существующее проницаемо и рассказывается: ни проницаемости, ни рассказываемости, которые вместе составляют эту специфически человеческую уникальность, отсюда вычесть нельзя. Тот, кто подвергается проницанию, порождает и порождается историей жизни (этой, а-не-какой-то-иной), которая получается из такого изложения⁵⁶.

51. Он же. Ложь романтизма и правда романа. С. 47.

52. Там же. С. 328.

53. Там же. С. 266.

54. Там же. С. 255.

55. Kristeva J. Hannah Arendt. N.Y.: Columbia University Press, 2003. P. 73.

56. Cavarero A. Relating Narratives: Storytelling and Selfhood. N.Y.: Routledge, 2000. P. 36.

Мы существуем, потому что разделяем с другими жизнь, которую можно рассказать. Приглашающий «рассказать историю» запускает процессы, которые воссоздают нашу человечность и приводят к исцелению. Да, нарративы фиксируют искажения желания: неадаптивные социальные взаимодействия, повторяющееся и навязчивое поведение и глубоко укоренившиеся конфликты, однако они также содержат воображаемые «выходы» на новое бытие.

Поскольку Юлия Кристева согласна с Жираром в том, что романы обладают преображающей силой, ее работа позволяет вновь обратить внимание миметической теории к чувственному опыту: в этом случае она обзаведется полностью развитой теорией глубинной медиации. Жирар признает, что миметически обусловленный конфликт между людьми разрешим; однако, в отличие от Кристевой, он не объясняет, как человеческие существа могут развивать способность к близости как стратегическое вмешательство в насильственный мимезис. Кристева отмечает, что в романе слова

...соприкасаются со всей динамикой воспоминаний, которая сразу же заставляет нас вспоминать наши травмы, боль, удовольствие и самые архаичные ощущения.

Уподобляя роман «неврачебному анализу» (Фрейд), она заявляет, что иногда роман оказывается даже более мощным инструментом, чем психоанализ⁵⁷. Действительно, рассказывание историй позволяет субъектам получить доступ к ранее недоступному смыслу. Для Кристевой метафора — это средство перевода, в котором ощущения, впечатления и травмы соединяются с языком познания, продвигая людей вперед от травмы к исцеляющей перемене⁵⁸.

Сила используемых в рамках повествования метафор, на которую ссылаются Кристева и Жирар, особенно видна в их анализе Пруста. Утверждая, что «читать — значит снова проживать тот духовный опыт, который облекся в форму романа», Жирар признает преображающее «я могу» романистов и их читателей. Так, подчеркивая духовное воздействие мадленки («небольшого печеньца»), Жирар пишет, что это «исключение» из миметического желания как правила. Отмечая, что в прустовском цикле «В поисках утра-

57. Kristeva J., Waller M. Intertextuality and Literary Interpretation // Julia Kristeva Interviews / R. M. Guberman (ed.). N.Y.: Columbia University Press, 1996. P. 194–195.

58. Kristeva J., Clark S., Hulley K. Cultural Strangeness and the Subject in Crisis // Julia Kristeva Interviews. P. 55.

ченного времени» «в случае с [„мадленкой“ и] мартенвильскими куполами медиатора нет», Жирар называет этот случай «особенным моментом» и «благовещением», ведущим к откровению в романе «Обретенное время»⁵⁹. Позиция Кристевой схожая: для нее метафорический смысл состоит не только в замене сложной или абстрактной идеи на идею, укорененную в образах повседневного опыта, что помогло бы увязать незнакомое со знакомым. Метафоры нужны не только затем, чтобы создавать новые возможности для повседневной речи, оживляя обыденное или банальное, — они также связывают ощущение и идею, образуя «воплощенный образ»⁶⁰. Об этом проживаемом образе Кристева пишет, что

... поскольку объединение вещей — это *метафора*, а ощущение предполагает *тело*, прустовское время, которое объединяет запечатленные в знаках ощущения, — это *метаморфоза*⁶¹.

Как и Жирар, Кристева указывает на целительный исход последнего тома «В поисках утраченного времени», когда истина прививается к реальному телу рассказчика и становится доступной также и для его читателей⁶².

Специалистка по воплощенному познанию и кинестетической семиотике Гийометт Боленс предлагает теорию нарратива — *телесную герменевтику*, которая проливает еще больше света на то, как чувственный опыт активизирует преобразующую силу нарративов в трактовке Жирара и Кристевой⁶³. В книге «Стиль жестов: воплощение и познание в литературном повествовании» Боленс объясняет, что для деятелей искусства и тех, кто сталкивается с их творчеством (например, читателей романов и зрителей драматических представлений), нарративы связаны с единицами чувственного опыта через *кинезис*. По определению Боленс, кинезис следует отличать от кинестезии. Вторая относится к двигательным ощущениям и к тому, как мозг воспринимает движения тела; первый — к «интеракционному восприятию движений, кото-

59. Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа. С. 64. (Судя по всему, упоминание «мадленки» в этом месте — артефакт английского перевода книги, и во французском оригинале его нет. Ср.: Girard R. Mensonge romantique et vérité romanesque. P.: Grasset, 1961. P. 48. — Прим. ред.)

60. Kristeva J. Proust and the Sense of Time / S. Bann (trans.). N.Y.: Columbia University Press, 1993. P. 56.

61. Ibid. P. 5.

62. Ibid. 81–82.

63. Bolens G. The Style of Gestures: Embodiment and Cognition in Literary Narrative. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2012. P. 26.

рые выполняешь сам или наблюдаешь у другого»: это такие факторы, как протяженность и скорость жеста, а также отношение конечностей к остальному телу⁶⁴. Для восприятия смысла творческими людьми и их читателями или зрителями решающее значение имеют схемы телесных жестов и чувственный опыт, вызываемый нарративными описаниями. Лингвистическое значение основано на кинетической активности⁶⁵. Память играет в кинезисе важную роль, упрощая реакцию на жесты других людей (наблюдаемых или описываемых)⁶⁶. Мы создаем тексты, описывающие чувственный опыт, и реагируем на них, потому что посредством кинезиса можем вызывать прошлый опыт, подобный тому, о котором говорит нарратив. Когда мы следим, например, за персонажем романа (тем же героем Пруста), реагируя на его жесты, отмечая его реакцию на чужую улыбку и разделяя его дискомфорт, когда он спотыкается на тропинке, то познаем его кинетический опыт благодаря нашим собственным телесным воспоминаниям⁶⁷.

Боленс ссылается на исследования зеркальных нейронов⁶⁸. Несмотря на то что ранние исследования зеркальных нейронов предполагали, что те активируются, когда человек наблюдает, как кто-то другой выполняет аналогичное действие, дальнейшие исследования показали, что зеркальные нейроны реагируют не только на зрительные раздражители. Они реагируют еще и тогда, когда человек слышит звук, ассоциативно связанный с неким действием. Некоторые нейробиологи, например Кеммерер и Гонсалес-Кастильо, утверждают, что зеркальные нейроны «должны определяться через функциональные, а не анатомические критерии»⁶⁹. Боленс цитирует исследование Пулвермюллера и его коллег, которое показывает, что даже чтение про себя таких глаголов, как «лизать», «ковырять» и «пинать», коррелирует с повышением активности мозга в областях, активируемых реальными движениями языка, пальцев или ног⁷⁰. В своем исследовании Бейлок и Лайонс называют «моторным резонансом» процесс, в ходе которого одни и те же нейронные субстраты задействуются незави-

64. Ibid. P. 2.

65. Ibid. P. 6.

66. Ibid. P. 3.

67. Сцены из «Поисков утраченного времени» занимают видное место во вступлении Боленс: это позволяет предположить, что творчество Пруста воплощает повествовательный кинезис. См.: Ibid. P. 6–9, 22–25, 44–46.

68. Ibid. P. 183, n. 22.

69. Ibidem.

70. Ibid. P. 12–18, 183, 84.

симо от того, читает ли человек о действиях кого-то еще или воспроизводит чужое реальное действие⁷¹.

Будучи сложнее простой индексации жестов и движений, «назначающей» определенные значения улыбке или взмаху руки, кинетическая респонсивность лежит в основе нашей способности ощущать присутствие другого. Когда мы видим, что кто-то улыбается, мы не кодируем эту улыбку как «счастье». Жесты наделены для нас смыслом не потому, что мы «переводим» их в знаки. Скорее, когда мы смотрим, как кто-то улыбается, или читаем про улыбку в романе, у нас возникают соматосенсорные образы, соответствующие тому, каково было бы быть носителем эмоционального выражения, которое вызвало улыбку. Чужая улыбка обретает для нас значение на основе соматосенсорных образов, которые формируются, когда мы ставим себя на место другого — «эмоционально, кинестетически, интроцептивно, обонятельно, на слух и т. д.» Кинезис не дает нам смысла вещи — он дает скорее бытие другого человека.

Теория кинезиса Боленс схожа с анализом подражания у Витторио Галлезе. Для описания того, как глубоко вписаны в наше тело интердивидуальные отношения, Галлезе — ученый-нейробиолог, чье исследование зеркальных нейронов основано на миметической теории, — вводит термин «интертелесность». Определяя «интертелесность» как «взаимный резонанс преднамеренно означенных сенсорно-моторных единиц поведения», Галлезе обосновывает эту концепцию механизмом действия зеркальных нейронов. Примечательно, что, как и Боленс в плане кинезиса, он рассматривает интертелесность как принципиально важную для понимания, как взаимодействовать с другими людьми, и умения это делать⁷². Поэтому интертелесность можно уподобить активной реляционности (*inter-esse*), на которую указывает Кристева, когда утверждает, что каждый из нас имеет рассказываемую жизнь только благодаря признанию со стороны других.

Телесная герменевтика Кристевой, которую так кстати дополняет Боленс и которую подтверждает Галлезе, может стать жизненно важным ресурсом для миметической теории. Реализация телесной выразительности через кинезис — это фундаменталь-

71. Ibid. P. 15.

72. Gallese V. The Two Sides of Mimesis: Mimetic Theory, Embodied Simulation, and Social Identification // *Mimesis and Science: Empirical Research on Imitation and the Mimetic Theory of Culture and Religion* / S. R. Garrels (ed.). East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2011. P. 89.

ная предпосылка повествовательного означивания⁷³. Травматические нарративы свидетельствуют о разрушении телесного «я могу»; но нарративы также позволяют автору и читателю вспоминать и извлекать из себя аффирмативное, жизнеутверждающее «я могу»⁷⁴. Чувственный опыт, преобразующий человеческую жизнь столь явно, должен вернуться в центр миметической теории — куда Жирар первоначально его и поместил. Вновь обратив внимание на чувственный опыт, сторонники миметической теории продвинулись в попытках объяснить насилие через миметическое соперничество и связанную с ним травму. Конкретизируя процессы глубинной медиации, исследователи также смогут найти пути для исцеления и трансформации. Если мы хотим охватить всю полноту человеческого опыта, который включает не только склонность к насилию и поискам козла отпущения, но также способность к любви и прощению, то эти усилия необходимы.

Библиография

- Батлер Дж. Гендерное беспокойство. Феминизм и подрыв идентичности / Пер. с англ. К. Саркисова. М.: V-A-C press, 2022.
- Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира. М.: ББИ, 2015.
- Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М.: ББИ, 2019.
- Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.
- Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа. М.: НЛО, 2019.
- Жирар Р. Насилие и священное. М.: НЛО, 2010.
- Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: ББИ, 2015.
- Манифест Черного феминизма // Критика феміністична. 2022. № 5. С. 55–68.
- 15 Surprising & Interesting Knitting Statistics 2023 // The Creatives Hour. 07.03.2023. URL: <https://thecreativeshour.com/knitting-statistics>.
- Auchter B. Men Who Murder Their Families: What the Research Tells Us // National Institute of Justice Journal. 2010. № 266. P. 10–12.
- Beck R. Unclean: Meditations on Purity, Hospitality, and Mortality. Eugene, OR: Wipf & Stock Publishers, 2011.

73. Bolens G. Op. cit. P. 24–25.

74. Исходя из идеи телесной герменевтики Кристевой, которая согласуется с потребностью феминисток в большей независимости и агентности, можно анализировать множество романов. Вот лишь некоторые из них: «Внутренний замок» Терезы Авильской, «Джейн Эйр» и «Виллет» Шарлотты Бронте, «Пробуждение» Кейт Шопен, «Женландия» Шарлотты Перкинс Гилман, «Их глаза смотрели на Бога» Зоры Нил Херстон и «Антонина» Евгении Тур. О значении этого последнего произведения для концепции трансформативного кинезиса см.: Gheith J. The Superfluous Man and the Necessary Woman: A “Re-Vision” // The Russian Review. 1996. Vol. 55. № 2. P. 226–244.

- Bennett J. What if Instead of Calling People Out, We Called Them In? // *The New York Times*. 19.11.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/19/style/loretta-ross-smith-college-cancel-culture.html>.
- Bolens G. *The Style of Gestures: Embodiment and Cognition in Literary Narrative*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2012.
- Boyle M. *The Cult of Victimhood // A Sound of Sheer Silence*. 02.05.2016. URL: <http://soundofsheersilence.blogspot.com/2016/04/the-cult-of-victimhood.html>.
- Cavarero A. *Relating Narratives: Storytelling and Selfhood*. N.Y.: Routledge, 2000.
- Flaherty C. "Hypatia" Disavows the "Hypatia" Disavowal // *Inside Higher Ed*. 18.05.2017. URL: <https://www.insidehighered.com/news/2017/05/19/journals-board-directors-offers-its-support-editors-decision-publish-article>.
- Gallese V. *The Two Sides of Mimesis: Mimetic Theory, Embodied Simulation, and Social Identification // Mimesis and Science: Empirical Research on Imitation and the Mimetic Theory of Culture and Religion / S. R. Garrels (ed.)*. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2011. P. 87–108.
- Gheith J. *The Superfluous Man and the Necessary Woman: A "Re-Vision" // The Russian Review*. 1996. Vol. 55. № 2. P. 226–244.
- Girard R. *Mensonge romantique et vérité romanesque*. P.: Grasset, 1961.
- Girard R. *Sacrifice*. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2011.
- Girard R., Antonello P., de Castro Rocha J. C. *Evolution and Conversion: Dialogues on the Origins of Culture*. L.: Continuum, 2008.
- Hardman I. *Cast Off: How Knitters Turned Nasty // The Spectator*. 28.09.2019. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/cast-off-how-knitters-turned-nasty>.
- Heyes C. *Identity Politics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta (ed.)*. Fall 2020 edition. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/identity-politics>.
- Kofman S. *The Narcissistic Woman: Freud and Girard // Diacritics*. 1980. Vol. 10. № 3. P. 36–45.
- Kristeva J. *Hannah Arendt*. N.Y.: Columbia University Press, 2003.
- Kristeva J. *Intimate Revolt: The Powers and Limits of Psychoanalysis*. N.Y.: Columbia University Press, 2002.
- Kristeva J. *Proust and the Sense of Time*. N.Y.: Columbia University Press, 1993.
- Kristeva J., Clark S., Hulley K. *Cultural Strangeness and the Subject in Crisis // Julia Kristeva Interviews / R. M. Guberman (ed.)*. N.Y.: Columbia University Press, 1996. P. 35–58.
- Kristeva J., Waller M. *Intertextuality and Literary Interpretation // Julia Kristeva Interviews / R. M. Guberman (ed.)*. N.Y.: Columbia University Press, 1996. P. 188–203.
- Mahmood S. *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*. Princeton: Princeton University Press, 2005.
- Moi T. *The Missing Mother: The Oedipal Rivalries of René Girard // Diacritics*. 1982. Vol. 12. № 2. P. 21–31.
- Moore K. J. *Instagram's Diversity Wars Revisited // Quillette*. 07.06.2019. URL: <https://quillette.com/2019/06/07/instagrams-diversity-wars-revisited>.
- Moore K. J. *Knitting's Infinity War, Part III: Showdown at Yarning-ham // Quillette*. 28.07.2019. URL: <https://quillette.com/2019/07/28/knittings-infinity-war-part-iii-showdown-at-yarningham>.
- Mouradian V. E. *Prevalence and Incidence Estimates for Intimate Partner Violence // National Violence Against Women Prevention Research Center*. URL: <https://mainweb-v.musc.edu/vawprevention/research/ipvestimates.shtml>.

- Press Release: Women and Girls Are More at Risk to Be Killed at Home, New UNODC and UN Women Report on Femicide Shows // UN Women. 23.11.2022. URL: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/press-release/2022/11/press-release-women-and-girls-are-more-at-risk-to-be-killed-at-home-new-unodc-and-un-women-report-on-femicide-shows>.
- Reineke M. *Intimate Domain: Desire, Trauma, and Mimetic Theory*. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2014.
- Reineke M. *Sacrificed Lives: Kristeva on Women and Violence*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1997.
- Risk and Protective Factors / Intimate Partner Violence / Violence Prevention / Injury Center / CDC // Centers for Disease Control and Prevention. URL: <https://www.cdc.gov/violenceprevention/intimatepartnerviolence/riskprotectivefactors.html>.
- Sloyan G. S. *Christian Persecution of Jews Over the Centuries* // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/research/about-the-mandel-center/initiatives/ethics-religion-holocaust/articles-and-resources/christian-persecution-of-jews-over-the-centuries/christian-persecution-of-jews-over-the-centuries>.
- Smith C. *Interesting Ravelry Statistics and Facts (2019)* / By the Numbers // DMR. 08.08.2019. URL: <https://expandedramblings.com/index.php/ravelry-statistics-facts>.
- Templer K. 2019: *My Year of Color* // KT's Slow Closet. 07.01.2019. URL: <https://ktslowcloset.com/2019/01/07/2019-my-year-of-color>.
- The Truth: This Is MY Side of the Story — by Sockmatician // YouTube. 29.09.2019. URL: <https://youtu.be/HJi1P3id8o>.
- Top 100 Knitting Influencers in 2023 // Feedspot. 15.11.2023. URL: https://blog.feedspot.com/knitting_instagram_influencers.
- Tuvel R. In Defense of Transracialism // *Hypatia*. 2017. Vol. 32. № 2. P. 263–278.
- Vigo J., Garano L. *An Open Letter on the Hypatia Controversy* // *Feminist Current*. 25.05.2017. URL: <https://www.feministcurrent.com/2017/05/25/open-letter-hypatia-controversy>.

FEMINIST THOUGHT AND MIMETIC THEORY: INSIGHTS AND CHALLENGES IN THE WORK OF RENÉ GIRARD

MARTHA REINEKE. University of Northern Iowa, Cedar Falls, USA,
martha.reineke@uni.edu.

Keywords: feminist theory; identity politics; victimization; scapegoat; victimology; intimate mediation; corporeal hermeneutics.

Identifying key features in feminist theory over four decades that still inform feminist thought today, Reineke argues that René Girard's mimetic theory offers a compelling intervention in "identity politics", a concept which some feminist theorists have employed to analyze inequalities. So also does it shed light on escalating rivalries among groups with similar interests, as exemplified in recent rivalries among feminist scholars and advocates. In turn, feminist theory can contribute to mimetic theory. Mimetic theory has neglected the central role of sensory experience in human life, whether as a vehicle of trauma and suffering or healing and transformative agency. Mimetic theory will be enhanced when Girardian scholars locate the impetus for a change from violent mimesis to intimate mediation in sensory experience, reclaiming for mimetic theory a perspective on sensory experience that feminist theory has illuminated.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-3-51-77

References

- 15 Surprising & Interesting Knitting Statistics 2023. *The Creatives Hour*, March 7, 2023. Available at: <https://thecreativeshour.com/knitting-statistics>.
- Auchter B. Men Who Murder Their Families: What the Research Tells Us. *National Institute of Justice Journal*, 2010, no. 266, pp. 10–12.
- Beck R. *Unclean: Meditations on Purity, Hospitality, and Mortality*, Eugene, OR, Wipf & Stock Publishers, 2011.
- Bennett J. What if Instead of Calling People Out, We Called Them In? *The New York Times*, November 19, 2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/11/19/style/loretta-ross-smith-college-cancel-culture.html>.
- Bolens G. *The Style of Gestures: Embodiment and Cognition in Literary Narrative*, Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 2012.
- Boyle M. The Cult of Victimhood. *A Sound of Sheer Silence*, May 2, 2016. Available at: <http://soundofsheersilence.blogspot.com/2016/04/the-cult-of-victimhood.html>.
- Butler J. *Gendernoe bespokojstvo. Feminizm i podryv identichnosti* [Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity], Moscow, V–A–C press, 2022.
- Cavarero A. *Relating Narratives: Storytelling and Selfhood*, New York, Routledge, 2000.
- Flaherty C. "Hypatia" Disavows the "Hypatia" Disavowal. *Inside Higher Ed*, May 18, 2017. Available at: <https://www.insidehighered.com/news/2017/05/19/journals-board-directors-offers-its-support-editors-decision-publish-article>.
- Gallese V. The Two Sides of Mimesis: Mimetic Theory, Embodied Simulation, and Social Identification. *Mimesis and Science: Empirical Research on Imitation and the Mimetic Theory of Culture and Religion* (ed. S. R. Garrels), East Lansing, MI, Michigan State University Press, 2011, pp. 87–108.
- Gheith J. The Superfluous Man and the Necessary Woman: A "Re-Vision". *The Russian Review*, 1996, vol. 55, no. 2, pp. 226–244.

- Girard R. *Ia vizhu Satanu, padaiushchego, kak molniia* [Je vois Satan tomber comme l'éclair], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2015.
- Girard R. *Kozel otpushcheniia* [Le Bouc émissaire], Saint Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2010.
- Girard R. *Lozh' romantizma i pravda romana* [Mensonge romantique et vérité romanesque], Moscow, New Literary Observer, 2019.
- Girard R. *Mensonge romantique et vérité romanesque*, Paris, Grasset, 1961.
- Girard R. *Nasilie i sviashchennoe* [La violence et le sacré], Moscow, New Literary Observer, 2010.
- Girard R. *Sacrifice*, East Lansing, MI, Michigan State University Press, 2011.
- Girard R. *Veshchi, sokrytye ot sozdaniia mira* [Des choses cachées depuis la fondation du monde], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2015.
- Girard R. *Zavershit' Klauzevitsa. Besedy s Benua Shantrom* [Achever Clausewitz: entretiens avec Benoît Chantre], Moscow, St. Andrew's Publishing House, 2019.
- Girard R., Antonello P., de Castro Rocha J. C. *Evolution and Conversion: Dialogues on the Origins of Culture*, London, Continuum, 2008.
- Hardman I. Cast Off: How Knitters Turned Nasty. *The Spectator*, September 28, 2019. Available at: <https://www.spectator.co.uk/article/cast-off-how-knitters-turned-nasty>.
- Heyes C. Identity Politics. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (ed. E. N. Zalta), Fall 2020 edition. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/identity-politics>.
- Kofman S. The Narcissistic Woman: Freud and Girard. *Diacritics*, 1980, vol. 10, no. 3, pp. 36–45.
- Kristeva J. *Hannah Arendt*, New York, Columbia University Press, 2003.
- Kristeva J. *Intimate Revolt: The Powers and Limits of Psychoanalysis*, New York, Columbia University Press, 2002.
- Kristeva J. *Proust and the Sense of Time*, New York, Columbia University Press, 1993.
- Kristeva J., Clark S., Hulley K. Cultural Strangeness and the Subject in Crisis. *Julia Kristeva Interviews* (ed. R. M. Guberman), New York, Columbia University Press, 1996, pp. 35–58.
- Kristeva J., Waller M. Intertextuality and Literary Interpretation. *Julia Kristeva Interviews* (ed. R. M. Guberman), New York, Columbia University Press, 1996, pp. 188–203.
- Mahmood S. *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*, Princeton, Princeton University Press, 2005.
- Manifest Chernogo feminizma [A Black Feminist Statement]. *Kritika feministichna* [Feminist Critique], 2022, no. 5, pp. 55–68.
- Moi T. The Missing Mother: The Oedipal Rivalries of René Girard. *Diacritics*, 1982, vol. 12, no. 2, pp. 21–31.
- Moore K. J. Instagram's Diversity Wars Revisited. *Quillette*, June 7, 2019. Available at: <https://quillette.com/2019/06/07/instagrams-diversity-wars-revisited>.
- Moore K. J. Knitting's Infinity War, Part III: Showdown at Yarningham. *Quillette*, July 28, 2019. Available at: <https://quillette.com/2019/07/28/knittings-infinity-war-part-iii-showdown-at-yarningham>.
- Mouradian V. E. Prevalence and Incidence Estimates for Intimate Partner Violence. *National Violence Against Women Prevention Research Center*. Available at: <https://mainweb-v.musc.edu/vawprevention/research/ipvestimates.shtml>.
- Press Release: Women and Girls Are More at Risk to Be Killed at Home, New UNODC and UN Women Report on Femicide Shows. *UN Women*, Novem-

- ber 23, 2022. Available at: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/press-release/2022/11/press-release-women-and-girls-are-more-at-risk-to-be-killed-at-home-new-unodc-and-un-women-report-on-femicide-shows>.
- Reineke M. *Intimate Domain: Desire, Trauma, and Mimetic Theory*, East Lansing, MI, Michigan State University Press, 2014.
- Reineke M. *Sacrificed Lives: Kristeva on Women and Violence*, Bloomington, IN, Indiana University Press, 1997.
- Risk and Protective Factors / Intimate Partner Violence / Violence Prevention / Injury Center / CDC. *Centers for Disease Control and Prevention*. Available at: <https://www.cdc.gov/violenceprevention/intimatepartnerviolence/riskprotectivefactors.html>.
- Sloyan G. S. Christian Persecution of Jews Over the Centuries. *United States Holocaust Memorial Museum*. Available at: <https://www.ushmm.org/research/about-the-mandel-center/initiatives/ethics-religion-holocaust/articles-and-resources/christian-persecution-of-jews-over-the-centuries/christian-persecution-of-jews-over-the-centuries>.
- Smith C. Interesting Ravelry Statistics and Facts (2019) / By the Numbers. *DMR*, August 8, 2019. Available at: <https://expandedramblings.com/index.php/ravelry-statistics-facts>.
- Templer K. 2019: My Year of Color. *KT's Slow Closet*, January 7, 2019. Available at: <https://ktslowcloset.com/2019/01/07/2019-my-year-of-color>.
- The Truth: This Is MY Side of the Story — by Sockmatician. *YouTube*, September 29, 2019. Available at: <https://youtu.be/HJ1ilP31d8o>.
- Top 100 Knitting Influencers in 2023. *Feedspot*, November 15, 2023. Available at: https://blog.feedspot.com/knitting_instagram_influencers.
- Tuvel R. In Defense of Transracialism. *Hypatia*, 2017, vol. 32, no. 2, pp. 263–278.
- Vigo J., Garano L. An Open Letter on the Hypatia Controversy. *Feminist Current*, May 25, 2017. Available at: <https://www.feministcurrent.com/2017/05/25/open-letter-hypatia-controversy>.